

УДК 81`27

Пугина Е.Ю., Хухуни Г.Т.*(г. Москва)***«ВОСТОК» В ИСХОДНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ:
ПРОБЛЕМА МЕСТНОГО КОЛОРИТА**

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена одной из наиболее сложных и относительно мало исследованных проблем теории и практики художественного перевода, связанной с наличием в исходном тексте, созданном на английском языке, элементов «восточного» характера, т. е. отражающих национальную специфику, отличную от европейской («западной») культурной традиции. Отмечается, что само понятие «Восток» является достаточно условным, поскольку включает в себя регионы, достаточно сильно отличающиеся друг от друга рядом моментов. В этой связи анализируются языковые средства, используемые автором для создания «восточного колорита», и возможные неточности при их передаче.

Ключевые слова: текст, оригинал, перевод, восточный, колорит, передача.

E. Pugina, G. Khukhuni*(Moscow)***THE “EAST” IN ORIGINAL AND TRANSLATED TEXT:
THE PROBLEM OF THE LOCAL COLOUR**

Abstract. The present paper deals with one of the most complicated and relatively scarcely studied problem of the so-called “eastern” elements in the text, written in English. These elements reflect the national features that differ considerably from European («Western») cultural tradition. It is mentioned that the notion of the «East» is loose enough, because it includes the regions, that are characterized with distinct peculiarities in many substantial moments. From this point of view the authors analyzed the linguistic means of creating the «eastern colour» in the source text and some possible inaccuracies of their representation in the existing translations.

Key words: text, original, translation, eastern, colour, representation.

Так называемая проблема «местного колорита» в той или иной степени привлекала внимание теоретиков и практиков перевода достаточно давно. Однако традиционно углубленный интерес к различным ее аспектам принято начинать с эпохи романтизма. Как отмечал один из крупнейших отечественных филологов С.С. Аверинцев, «романтизм – великая, может быть, величайшая эпоха в истории художественного

перевода... его драматическая пружина, его «интрига», его «изюминка» – контраст, встреча «своего» и «чужого»... «Чужое», осознаваемое и переживаемое в своем качестве «чужого», на поверхности предстает как экзотика. Если позволить себе не совсем ловкий каламбур, можно сказать, что экзотика есть *эзотерика* романтизма, в частности, романтического перевода» [1, с. 562-563].

В этой связи можно вспомнить ироническое предупреждение одного из видных представителей европейского романтизма Проспера Мериме к принадлежащей ему переводческой мистификации «Гузла или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине»: «В 1827 году я был романтиком. Мы говорили классикам: «Ваши греки вовсе не греки, ваше римляне вовсе не римляне. Вы не умеете придавать вашим образам местный колорит. Все спасение – в местном колорите». Под местным же колоритом подразумевали мы то, что в XVII веке именовалось нравами; но мы очень гордились этим выражением и полагали, что сами выдумали и это слово и то, что им выражалось» [7].

Естественно, что в поисках такого рода насыщенного экзотикой «местного колорита» вполне закономерным для европейских авторов (причем не только собственно романтиков) было обращение к так называемой «восточной тематике». «Восточный стиль, выражающий восточное мировоззрение, «душу Востока», по многим причинам стал играть в литературе чрезвычайно важную роль. Открывается для Европы поэзия Ирана, Коран становится модной книгой. Гете пишет свой «Западно-Восточный диван», Радищев говорит о «Гюлистане» Саади, а затем – Байрон открывает новую поэзию Востока» [3, с. 267].

Кстати, сам Гете в предисловии к упомянутому «Западно-Восточному дивану» отмечал, что «немцы с помощью разнообразных переводов проникают все дальше на Восток» [2, с. 235]. Аналогичные тенденции наблюдались и во Франции: «Шатобриан, Ламартин, Нерваль, Дюма ... посетили ... Восток... Порой это были странствия чисто литературные: читая книги английских, немецких авторов они открывали для себя иные цивилизации, иные культуры. Чтение, в первую очередь немецких романтиков, будило желание ... воочию увидеть чужие страны...» [9, с. 8]. В английской литературе называют в этой связи повесть У. Бекфорда «Ватек. Арабская сказка» (первоначально, кстати, написанную по-французски): «С «Ватека» Бекфорда начинается история романтического ориентализма, открытие «романтики Востока»... романтическая трактовка восточной тематики – с перспективой дальних странствий и волнующих приключений, местным колоритом и фантастикой» [4].

Подобного рода «ориентализация» получила новый стимул уже почти столетие спустя, на рубеже XIX–XX в., в связи с так называемым «новым империализмом» (*new imperialism*), под которым понимали колониальную экспансию европейских держав, направленную, в первую очередь, именно в страны Востока. С последним в значительной степени было связано и возникновение неоромантизма, виднейшими представителями которого в британской литературе были Р.Л. Стивенсон (считающийся основателем данного течения), Дж. Конрад, А. Конан Дойл, Р. Киплинг и др. Отметим, что по многим вопросам названные авторы могли весьма существенно расходиться друг с другом. Так, если Р.Л. Стивенсон скептически относился к англо-бурской войне, то А. Конан Дойл безоговорочно ее поддержал; отношение к «колониальной романтике» Р. Киплинга и Дж. Конрада также вряд ли можно считать идентичным... Однако, с интересующей нас точки зрения произведения писателей, отражавшие «восточную» тематику, неизбежно должны были содержать те самые языковые элементы «местного колорита», которые и создавали соответствующий фон. Аналогичным образом обстояло дело и в творчестве позднейших английских авторов, ни к неоромантизму, ни, тем более, к поборникам «нового империализма», естественно, не принадлежащих – достаточно назвать здесь роман Э.М. Форстера «Поездка в Индию» («*A Passage to India*»), считающийся явно антиколониальным по своему характеру.

Поскольку творчество названных представителей британской литературы всегда пользовалось в России достаточно большой популярностью (по своеобразной иронии судьбы, в наименьшей степени это можно отнести, вероятно, именно к Э.М. Форстеру, которого в нашей стране публиковали куда реже, чем «барда британского империализма» Р. Киплинга), вопросы, связанные с передачей их произведений на русский язык нельзя не признать актуальными. Сказанное в полной мере относится и к такому лингвостилистическому аспекту их творчества, как упомянутые выше «восточные элементы».

Однако при рассмотрении данной проблемы необходимо, на наш взгляд, принять во внимание то обстоятельство, что само понятие «Востока» в данном случае достаточно условно – им оказывается и исламский мир, в свою очередь, разделенный в языковом отношении (арабоязычный, тюркский, ираноязычный и т. д.), и Индия с ее многочисленными языками и культурами, и регион Дальнего Востока (Китай, Япония, страны Индокитая).

При этом, касаясь того, как отразился «Восток» в произведениях английских писателей конца XIX – начала XX в., исследователи чаще всего

обращаются, в первую очередь, к индийской тематике. Такое предпочтение представляется естественным, учитывая, какую роль играла Индия среди всех остальных колониальных владений Великобритании, и то место, которое занимали связанные с ней мотивы в литературе. Как заметил в своей известной (хотя и достаточно спорной) работе Э. Саид, для англичан «Восток – это, прежде всего Индия, реальные британские владения» [10, с. 266]. Однако справедливости ради необходимо отметить, что «индийский тренд» был хотя и ведущим, но все же не единственным в литературной жизни Британской империи. Здесь многое определялось и личным опытом того или иного писателя. Для Джозефа Конрада, например, Восток представляли, прежде всего, «страны Южных морей», Сомерсет Моэм более известен описанием дальневосточных и юго-восточных регионов, фоном действия детективов Агаты Кристи часто выступали страны Ближнего и Среднего Востока и т. д.

Однако с интересующей нас точки зрения более важным представляется вопрос о том, насколько отразился этот обобщенный «Восток» в текстах указанных (и других) деятелей британской литературы.

В первую очередь, естественно, наше внимание привлекают произведения на собственно «восточную» тематику, с соответствующей обстановкой, действующими лицами, сюжетом и т. п. Примерами могут служить относимые к «Индийскому циклу» проза и поэзия Р. Киплинга, упомянутая выше «Поездка в Индию» Э.М. Форстера (при всей противоположности мировоззрения названных авторов) и т. д. И в том и в другом случае приходится констатировать наличие большого количества слов-реалий, относящихся к Британской Индии конца XIX – начала XX столетий. Причем (что можно считать характерной деталью) довольно часто отмеченные показатели «местного колорита» вводятся в текст без каких-либо авторских пояснений. В принципе, это вполне объяснимо, поскольку «в активном словаре колониальной Англии тех лет было немало слов и словосочетаний, связанных с Индией» [8, с. 235]. Причем сказанное относится не только к тем, кого в рассматриваемый период называли «англо-индийцами», т. е. к англичанам, родившимся и жившим в Индии и часто хорошо знакомым с ее языками, культурами, обычаями (вклад многих из них в изучение различных аспектов индологии бесспорен и никогда не ставился под сомнение), но и к гораздо более широкому кругу жителей Великобритании, зачастую никогда на Востоке не бывавших. Естественно, что при переводе подобных текстов у отечественных переводчиков часто возникали затруднения – и в плане осмысления соответствующего элемента местного колорита, и при попытке передать его на русский язык.

Ограничимся только одним примером. В романе Э.М. Форстера (известно два его перевода, выполненных в 1926 г. и в 1937 г. Л.Н. Некрасовой и В.П. Исаковой соответственно), где речь идет об индийцах, исповедующих ислам, имеется следующий фрагмент:

What is the use of all these reforms, and Conciliation Committees for Mohurram, and shall we cut the tazia short or shall we carry it another route, and Councils of Notables and official parties where the English sneer at our skins? [15].

С точки зрения русского читателя (и, пожалуй, не только той эпохи, к которой относятся оба перевода), процитированное предложение явно сложно для понимания. В упомянутых версиях оно представлено следующим образом:

Какой толк от всех этих реформ и примирительных комитетов по случаю Мохуррама; от того, что мы подрежем дерево или проведем процессию другой дорогой или от того, что соберем комиссии почетных представителей или будем устраивать официальные приемы, когда англичане нас презирают за цвет кожи? [12, с. 115].

К чему все эти реформы и согласительные комиссии по поводу Мохаррема, - надо ли подрезать тацию или нести ее другой дорогой, – и комитеты индусских деятелей, и официальные празднества, где англичане смеются над цветом нашей кожи? [13, с. 111]

Анализируя русские тексты, можно заметить следующее. Из двух явно «восточных» элементов (*Mohurram* и *tazia*), оба перевода сохраняют первый, тогда как применительно ко второй реалии предложены противоположные решения: в одном случае – якобы аналогичная замена (на самом деле, как будет показано ниже, таковой отнюдь не являющаяся), в другом – транскрипция. Последняя, правда, почему-то исходит из немецкого чтения буквы *z* как [ц] (аналогично обстоит дело и во втором переводе), что противоречит исконному (персидскому) звучанию.

Именно с этой реалии целесообразно начать наш анализ, поскольку несколько выше в тексте романа она уже была введена автором с некоторым контекстуальным пояснением и воспроизведена обеими переводчицами:

He was invited to inspect a small tazia – a flimsy and frivolous erection, more like a crinoline than the tomb of the grandson of the Prophet, done to death at Kerbela [15].

Филдинга пригласили осмотреть маленькую тацию, легкое и легкомысленное сооружение, больше похожее на кринолин, чем на могилу внука пророка, убитого в Кербеле [12, с. 208].

Ему предложили осмотреть небольшую тацию – хрупкое и легкомысленное сооружение, больше напоминавшее кринолин, чем могилу внука Пророка, умершего в Кербеле [13, с.184].

Нетрудно заметить, что ни о каком «дереве» в данном контексте речь не идет, так что предложенная Л.Н. Некрасовой интерпретация явно должна быть признана ошибочной (и притом противоречащей ее собственному переводу). Однако решение ее коллеги тоже вряд ли можно признать удачным – «могилу внука пророка» вряд ли можно «подрезать».

Приведенный пример весьма наглядно свидетельствует о том, что передача «местного колорита» зачастую требует достаточно глубоких фоновых знаний со стороны переводчика, без чего читатель либо не получит необходимой информации о нем, либо – что, вероятно, еще хуже – эта информация окажется весьма искаженной.

В созданном на рубеже XIX – XX в. «Англо-индийском словаре» читаем: «**Tazzeea** ... *ta'zya* 'mourning for the dead'. In India the word is applied to the ... representations, in flimsy material, of the tombs of Hussein and Hassan in the Muharram ... processions. In Persia it seems applied to the whole of the mystery-play which is presented at that season» [18, p. 904]. В свою очередь, **Muharram (Mohurrum)** определяется следующим образом: «...Properly the name of the 1st month of the Mahommedan lunar year. But in India the term is applied to the period of fasting and an public mourning observed during the month in commemoration of the death of Hassan and of his brother Hussain ...» [18, p. 574] (речь идет о почитаемых мусульманами-шиитами внуках Пророка Мухаммада, убитых в VII в.).

Таким образом, лексема *tazia* использована автором в обоих отмеченных в словаре значениях: как обозначение имитации гробницы, в первом случае, и как процессия, во время которой ее проносят участвующие в церемонии верующие, – в другом. *Cut the tazia* поэтому логичнее в данном контексте истолковать как возможное намерение *сократить* (или *прервать*) шествие, а отнюдь не «подрезать» его или само упомянутое сооружение.

В отличие от романа Э.М. Форстера или произведений Р. Киплинга, знаменитый цикл А. Конан Дойла, посвященный Шерлоку Холмсу, на первый взгляд, вряд ли имеет непосредственное отношение к Индии: фоном, на котором разворачивается сюжет, здесь обычно является Англия конца XIX – начала XX столетий (в первую очередь – Лондон и его окрестности). Однако «восточный» (прежде всего, индийский) элемент нередко проявляется и в них, поскольку биографии многих персонажей писателя в той или иной степени оказываются связаны с «жемчужиной

Британской короны», а таинственные преступления, расследуемые великим сыщиком, зачастую тоже восходят к событиям, происходившим в заморских колониях. Таким образом, и при работе с этим материалом для переводчика крайне желательно определенное знакомство с местным колоритом последних – хотя бы в объеме того английского читателя, на которого ориентировался автор.

Приведем в этой связи следующий пример. В известном рассказе «Пустой дом» («The Adventure of the Empty House»), в котором Шерлок Холмс «воскресает» после схватки с профессором Мориарти, он, если верить русскому переводу, сообщает о своем противнике, полковнике Моране, следующий любопытный факт: «Это был человек с железными нервами, и в Индии до сих пор ходят легенды о том, как он прополз по высохшему руслу реки и спас человека, вырвав его из когтей раненого тигра» [6, с. 264].

Думается, что, прочитав этот пассаж (который, кстати, вошел и в соответствующую серию популярного отечественного фильма о приключениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона), читатель, скорее всего, почувствует некоторое недоумение: как долго тигр (да еще раненый, который явно должен был быть разъярен от боли) мог держать в своих когтях добычу, не трогая ее, если бравому полковнику удалось проползти по высохшему руслу (на что, вероятно, требуется какое-то время) и «вырвать» жертву, которой упомянутый тигр почему-то не причинил ни малейшего вреда? Если же обратиться к исходному тексту, то в нем можно обнаружить следующее: «He was always a man of iron nerve and the story is told in India how he crawled down a drain after a man-eating tiger» [14, p. 494].

Английские словари определяют лексему *man-eating* следующим образом: «a man eating animal kills and eats people: a *man-eating lion/tiger*» [17, p. 869]. Таким образом, в данном случае речь идет о тигре-людоеде, вероятно, представлявшем серьезную угрозу для жителей той местности, где квартировала воинская часть, в которой служил Моран. Именно этого тигра (заметим, что о «ране» последнего и, тем более, о находении в его «когтях» кого бы то ни было в оригинале ничего не говорится) полковник, скорее всего, и преследовал. Кстати, борьба с подобными хищниками рассматривалась английскими колониальными властями в Индии как одна из насущных задач местной администрации, что, между прочим, нашло отражение в «Маугли» Р. Киплинга: «...*Man-eating means, sooner or later, the arrival of white men on elephants, with guns, and hundreds of brown men with gongs and rockets and torches. Then everybody in the jungle suffers*» [16, p. 13].

Среди произведений о Шерлоке Холмсе наиболее окрашена индийским колоритом известная повесть «Знак четырех» (*The Sign of Four*), что обуславливается ее сюжетом (поиск попавших в Лондон в результате целой цепи кровавых преступлений сокровищ индийского раджи). Надо сказать, что в целом самый известный перевод данного произведения, принадлежащий М. Литвиновой, достаточно адекватен в интересующем нас аспекте и не содержит каких-либо существенных искажений подлинника. Однако и здесь отдельные решения могут показаться несколько спорными. Приведем в этой связи следующие фрагменты:

So I left Pondicherry Lodge, taking the old *khitmutgar* and Williams with me» [14, p. 104].

Так я и покинул Пондишери-Лодж, взяв с собой старого слугу-индуса и Уильяма [5, с. 178].

...But he was very sly and had always two prize-fighters, besides his sons and *khitmutgar* [14, p. 156].

Но Шолто был хитер. В качестве привратников он всегда держал при себе двух профессиональных боксеров и при нем всегда были его сыновья и слуга-индус [5, с. 260–261].

Таким образом, в обоих случаях можно констатировать стремление переводчицы использовать прием пояснения реалии (при передаче еще одного предложения, содержащего данную лексику: «Show them to me, *khitmutgar*» [14, p. 100] она просто опущена: «Проводите их ко мне» [5, с. 169]).

В принципе, такое решение в определенных случаях признается вполне допустимым. Однако в данном примере, на наш взгляд, явно имеет место, по выражению В.С. Виноградова, «редуцированная эквивалентность», причем и в плане передачи номинативного значения слова. В англо-индийской речи той эпохи, о которой идет речь в романе, *khitmutgar* (характерно, что автор исходного текста выделяет это слово курсивом, акцентируя внимание читателя на его экзотическом характере) – это слуга-мусульманин, прислуживавший за столом и занимавший подчинённое положение по отношению к более старшему по рангу слуге (в Индии им тоже обычно был мусульманин, именовавшийся **consumah**, тогда как в романе эту функцию выполнял англичанин Уильям, пользовавшийся полным доверием хозяина). Причем, как отмечали создатели «Англо-индийского словаря», оно также окрашено определенным локально-историческим колоритом, будучи представлено, главным образом, на территории Бенгалии: «**Kitmutgar**, Hind. *khitmatgâr*, from Ar. – P. *khidmat*, «service», therefore «one rendering service».

The Anglo-Indian use is peculiar to the Bengal Presidency, where a word is habitually applied to a Musulman servant, whose duties are connected with serving meals and waiting at table under the **Consumah**, if there be one» [18, p. 486]. С другой стороны, само толкование *слуга-индус* представляется несколько неточным, поскольку, как свидетельствует относящееся к 50-м годам XX века (т. е. вышедшее в свет еще до создания рассматриваемого перевода) издание «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, индусы – это «жители Индии, исповедующие индуизм» [11, с. 217]. Между тем, как было показано выше, в подлиннике говорится именно о *слуге-мусульманине* (характерно, что обе указанные лексемы арабско-персидского происхождения).

Сами по себе отмеченные недочеты могут показаться достаточно незначительными. Однако, как показывает приведенный материал, в некоторых случаях они довольно существенно искажают содержательную сторону исходного текста, что делает желательным при возможном переиздании названных переводов их устранение.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского в двух томах. – Т. 2. – М.: Радуга, 1985. – С. 553-574.
2. Гете И.В. Переводы / Примечания к статье: Кундзич О.Л. Переводческий блокнот // Мастерство перевода 1966. – М.: Советский писатель, 1968. – С. 99-238.
3. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М.: Художественная литература, 1965. – 356 с.
4. Жирмунский В.М., Сигал Н.А. У истоков европейского романтизма. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/literaturovedenie/60997.htm. (дата обращения: 10.11.2012).
5. Конан Дойль А. Знак четырех / Пер. М. Литвиновой // А. Конан Дойль. Собр. соч. в 8 томах. – Т. 1. – М.: Правда, 1966. – 548 с.
6. Конан Дойль А. Пустой дом / Пер. Д. Лившиц // Конан Дойль А. Собр. соч. в 8 томах. – Т. 2. – М.: Правда, 1966. – 548 с.
7. Мериме П. Гузла, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/36889/read> (дата обращения: 10.11.2012).
8. *Модестов В.С.* Художественный перевод: история, теория, практика. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2006. – 463 с.
9. Никитин В.А. Путешествия реальные и воображаемые // Дюма А., Доза А. Путешествие в Египет. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 3-15.
10. *Sauid Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб: Русский Мир, 2006. – 637 с.

11. Словарь русского языка. Издание третье / Составил С.И.Ожегов. – М.: Государственное издательство иностранных и русских словарей, 1953. – 848 с.
12. *Форстер Э.М.* Поездка в Индию (История одного преступления): Роман / Пер. с англ. Л.И. Некрасовой. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1926. – 364 с.
13. *Форстер Э.М.* Поездка в Индию: Роман / Пер. с англ. В.П. Исаковой. – Л.: Гослитгиздат, 1937. – 312 с.
14. *Conan Doyle A.* The Penguin Complete Sherlock Holmes. – New-York: Penguin Books, 1983. – 1132 p.
15. *Forster E.M.* A Passage to India. [Электронный ресурс]. – URL: http://archive.org/stream/APassageToIndia_109/APassageToIndia_djvu.txt (дата обращения: 10.11.2012).
16. *Kipling R.* The Jungle Books. – New-York: A Signet Classic New American Library, 1961. – 336 p.
17. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. – Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1692 p.
18. *Yule H. & Burnell A.C.* Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions LTD, 1996. – XLVIII+1020 p.